

А. А. Димьяненко

Творчество В. Н. Буниной и жанр автобиографии в культуре русской эмиграции: «Беседы с памятью» и «Жизнь Арсеньева»

В статье рассматривается мемуарное творчество В. Н. Буниной в контексте литературной традиции писателей русской эмиграции, намечены взаимосвязи с романом И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева».

Ключевые слова: В. Н. Бунина, И. А. Бунин, мемуары, автобиография, жанр, русская зарубежная литература, литература русской эмиграции

Anna A. Dimianenko

The works by Vera N. Bunina and the genre of memoirs in the heritage of Russian emigration: «Besedy s pamiat'iu» (Talks with Memory) and «Zhizn' Arsen'eva» (Arseniev's Life)

The paper studies the memoirs of Vera N. Bunina in the context of the literary tradition of Russian writers in exile. Connections with the novel «Zhizn' Arsen'eva» by Ivan A. Bunin has been established.

Keywords: Vera N. Bunina, Ivan A. Bunin, memoirs, autobiography, genre, Russian literature abroad

В. Н. Бунина является автором мемуаров «Беседы с памятью», биографии И. А. Бунина – «Жизнь Бунина», нескольких статей, вышедших в эмиграции («Памяти С. Н. Иванова», «Найденнов», «Л. Н. Андреев», «Piccolo Marina», «Овсянничко-Куликовский», «Юшкевич», «Кондаков», «Московские „Среды“», «Эртель», «У старого Пимена. (Д. И. Иловайский)», «С. А. Муромцев», «Заморский гость. (Верхарн)», «Завещание», «Умное сердце. (О. А. Шмелева)», «Квисисана», «Москвичи», «Коллективные курсы», «Вечер на Княжеской. (Волошин)»), а также переводов некоторых произведений Флобера, Мопассана и Ламартина.

«Беседы с памятью» – обширные очерки о жизни самой Веры Николаевны, составленные из многочисленных дневниковых записей и воспоминаний. Они разбиты на две большие части, написанные, вероятно, в разное время: «Беседы-1» – рассказывают о ее детстве, учебе в гимназии и на Высших женских курсах. К анализу этой части мы и обратимся. «Беседы-2» – часть мемуаров, рассказывающая о совместной жизни Буниных, повествование в ней ведется с 1906 г., со встречи с И. А. Буниным. «Беседы-2» публиковались в эмигрантской периодике отдельными очерками; целиком были опубликованы вместе с «Жизнью Бунина» А. Бабореко в 1989 г. в издательстве «Советский писатель». «Беседы-1» в настоящий момент только готовятся к публикации.

Обращение Буниной к мемуарной прозе вызвано популярностью этого жанра в литературе русской эмиграции «первой волны» («Странник», «Дневник писателя» Б. К. Зайцева, «Петербургские зимы» Г. В. Иванова, «Воспоминания. Род-

ное. Про нашу Россию» И. С. Шмелева, «Моя летопись» Тэффи, «Дмитрий Мережковский» З. Н. Гиппиус, «Грасский дневник» Г. Н. Кузнецовой и т. д.). С одной стороны, мемуарное творчество отвечало духовным запросам авторов и насущным потребностям эмигрантского сообщества, выдвинувшего на первое место задачу сохранения русской классической культуры, с другой – совершенствовало их литературное мастерство.

Мемуарное творчество писателей-эмигрантов не только позволяло вести литературный диалог с прошлым и будущим, но также являлось важнейшим способом осмысления собственной жизни в условиях эмиграции. Поиски новых художественных форм и совершенствование мастерства вылились в большое разнообразие жанров мемуарной прозы: очерков, эссе, дневников, заметок, мемуарно-автобиографических произведений (повестей, романов).

В этом литературном ключе «Беседы» В. Н. Буниной впитали в себя традицию не только всего эмигрантского сообщества, но и, в первую очередь, И. А. Бунина. «Беседы с памятью», изданные вместе с «Жизнью Бунина» под одной обложкой, имеют, как нам кажется, существенные отличия от неопубликованных рукописей «Бесед». Это более структурированный, хронологически выстроенный текст, где главная роль отведена хронике событий совместной истории Буниных. В первой части «Бесед» Бунина следует всем канонам мемуарной прозы, но при этом она лишена того прустовского «потока сознания», который мы увидим в следующих главах «Бесед с памятью».

В русской литературе мемуарная и автобиографическая проза всегда были тесно связаны. Личные воспоминания авторов о себе и своем времени органично вливались в сюжет автобиографической повести или романа. Так и в очерках Буниной очевидна традиция автобиографической прозы. И, в первую очередь, мы находим в ней связь с романом И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», который, как известно, сам автор к автобиографии не относил. «Беседы с памятью» предположительно создавались в одно время с романом «Жизнь Арсеньева», в 1920–1930-е гг. На этом фоне влияние бунинского текста становится еще более очевидным.

Обозначим некоторые точки соприкосновения двух текстов.

Вторая глава первой книги «Жизнь Арсеньева» начинается со следующих строк: «Самое первое воспоминание мое есть нечто ничтожное, вызывающее недоумение. Я помню большую, освещенную предосенним солнцем комнату, его сухой блеск над косогором, видным в окно, на юг... Только и всего, только одно мгновение! Почему именно в этот день и час, именно в эту минуту и по такому пустому поводу впервые в жизни вспыхнуло мое сознание столь ярко, что уже явилась возможность действия памяти?»¹

Бунина начинает описание истории своего детства с похожих строк: «Одно из первых сильных впечатлений моего младенчества был гробик на извозчицкой пролетке, который я видела из окошка нашей деревенской дачи. Гробик очень странный, кирпично-желтый, весь в пирамидках, довольно расплоснутых, которых, конечно, не было. Умер мой старший брат Кока, четырехлетний мальчик, от которого в моей душе осталось только ощущение его, а в памяти картина: поле, он лежит ничком на траве в белой рубашке, а мама легонько толкает его своим светлым зонтиком. <...> Благодаря его смерти я стала почти одновременно чувствовать настоящее и прошедшее»².

Детальное воспроизведение первого детского ощущения в «Беседах», связанное со смертью младшего брата Коки, совпадает с одним из самых ярких эпизодов из детства Алексея Арсеньева – смертью младшей сестры Нади: «Смерть Нади, первая, которую я видел воочию, надолго лишила меня чувства жизни, – жизни, которую я только что узнал. Я вдруг понял, что и я смертен, что и со мной каждую минуту может случиться то дикое, ужасное, что случилось с Надей, и что вообще все земное, все живое, вещественное, телесное, непременно подлежит гибели, тленю, той лиловой черноте, которой покрылись губки Нади к выносу ее из дома»³.

В этом же отрывке в повествовательной

манере Буниной происходит соединение двух речевых потоков: голоса ребенка и взрослого повествователя, которые будут сопровождать нас на протяжении всей книги. Точкой отсчета на указания возраста «младенчества» Буниной (которое она никак не обозначает) становится цитата: «Глубокое впечатление оставило во мне следующее событие: весна, Пречистенский бульвар, мне три года, мы с сестрой стоим по обеим сторонам мамы, которая сидит на скамейке, и из песка делаем гречники, пирожки».

Далее повествование погружается в память и ведется циклом времен года: «зимой», «в первую половину лета», «в вербную субботу», без конкретной даты или времени. Чаще это рассыпанные в памяти эпизоды из жизни, напоминающие наборы фотографических воспроизведений прошлого⁴, характерные для описательной манеры в «Жизни Арсеньева»: «Годы младенчества в моей памяти запечатлелись отдельными картинками: мама куда-то уходит, я хочу с ней, плачу, хватаюсь за юбку, меня оттаскивают, и я переживаю это как настоящую измену».

Таким образом, текст становится нелинейным, как у И. А. Бунина. Он состоит из повествования с вплетенным в него отрывками впечатлений. Например, посреди описания будничного занятия детей вклинивается отрывок о происхождении матери и ее учебе в Николаевском институте:

По возвращении с прогулки, мама, если бывала дома и без гостей, отдавала нам час-другой. С ней бывало очень весело, но совершенно в ином духе, чем с папой. Мама хорошо играла на рояле. И часто мы слушали с замиранием сердца очень сложные, иногда бурные, иногда печальные пьесы, следя то за быстротой ее пальцев по клавишам, то за тем, что делалось внутри рояля; кончался же этот концерт всегда одним и тем же: мама играла ею же сочиненную польку «Вера», гавот «Маня», вальс «Сева»... Затем, быстро закрыв крышку рояля, она говорила:

– Давайте, я буду вас учить танцевать, и, приподняв юбку, становилась в первую позицию.

Я помню ее уже полной, часто беременной, но всегда ловкой и грациозной – сказывалась польская кровь. Она с гордостью рассказывала, что в институте из семисот воспитанниц выбрали ее и еще одну девочку танцевать перед Александром II, которого «все институтки обожали». Мама всегда восхищалась простотой и доступностью царя, когда он бывал в их Николаевском институте, который он особенно жаловал, так как там учились исключительно сироты, и он считал институток как бы своими детьми.

Потом после урока танцев, мама садилась в кресло, и начинались сказки: «колобок, колобок», «мальчик с пальчик», «красная шапочка», «баба-яга, костяная нога»...

Очевидно также повторение речевых конструкций, обозначающих этапы взросления, отношения к вере и Богу: «С переезда на новую квартиру, я считаю, кончается мое младенчество и начинается детство, т. е. время, когда я уже помню не отдельные картины, а течение моей простой жизни». «Во внутренней моей жизни это лето отмечилось до сих пор не совсем понятным для меня явлением. Я, как всегда, много думала о Боге, о той жизни, куда уходят умершие, и вот совершенно неожиданно для себя, как только я внутренне говорила „Бог“, сейчас же высказывало слово „черт“, слово, которое я никогда еще вслух не произносила...». Похожими конструкциями разделяет свои жизненные этапы Алексей Арсеньев: «Дни слагались в недели, месяцы, осень сменяла лето, зима осень, весна зиму... Но что могу я сказать о них? Только нечто общее: то, что незаметно вступил я в эти годы в жизнь сознательную»⁵, «Так постепенно миновало мое младенческое одиночество»⁶. Или суждения о вере: «Когда и как приобрел я веру в бога, понятие о нем, ощущение его? Думаю, что вместе с понятием о смерти. Смерть, увы, была как-то соединена с ним (и с лампадкой, с черными иконами в серебряных и вызолоченных ризах в спальне матери). Соединено с ним было и бессмертие. Бог – в небе, в непостижимой высоте и силе, в том непонятном синем, что вверху, над нами, безгранично далеко от земли: это вошло в

меня с самых первых дней моих, равно как и то, что, невзирая на смерть, у каждого из нас есть где-то в груди душа и что душа эта бессмертна»⁷.

По ходу сюжета обеих книг можно наблюдать много похожих деталей в описании быта, любования природой, усадебной и деревенской жизни, ощущений от прочтения одинаковых детских книг («Руслан и Людмила» А. С. Пушкина, «Земля и люди» Э. Реклю, «Жизнь животных» А. Э. Брема). Многие сюжетные сходства первых детских впечатлений связаны, в первую очередь, с типичным укладом жизни подрастающих детей дореволюционной России. И тем не менее есть и такие, которые характерны только для этих текстов.

Работа по изучению наследия В. Н. Буниной еще только начата. Структурные сходства «Бесед с памятью» и «Жизни Арсеньева», типологическая близость «Бесед с памятью» с другими мемуарами русской эмигрантской литературы требуют дальнейшего исследования.

Примечания

¹ Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1988. Т. 5. С. 8.

² Рус. арх. в Лидсе. MS 1067/133. Здесь и далее текст цитируется по этому архивному документу.

³ Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. С. 39.

⁴ Подробнее о теме памяти у Бунина в сравнении с другими текстами: Мальцев Ю. В. Иван Бунин. М.: Посев, 1994; Пономарев Е. Р. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: И. А. Бунин и В. Г. Короленко // Метафизика И. А. Бунина: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2011. С. 16–32.

⁵ Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. С. 26.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 24.